

АРХИВ

УДК 165.4

В.А. Ладов

ВИТГЕНШТЕЙН И ХАКЕР О ЯЗЫКЕ ОЩУЩЕНИЙ¹

Анализируется содержание работы П.М.С. Хакера «Могут ли разные люди чувствовать одну и ту же боль?». Сравниваются различные интерпретации так называемого аргумента индивидуального языка, сформулированного в философии позднего Л. Витгенштейна. Обосновывается приоритет интерпретативной стратегии П.М.С. Хакера.

Ключевые слова: Витгенштейн, Хакер, Крипке, ощущение, индивидуальный язык, следование правилу.

В работе П.М.С. Хакера «Могут ли разные люди чувствовать одну и ту же боль?» осуществлена попытка в форме воображаемого диалога представить обсуждение взглядов позднего Л. Витгенштейна. То, что Хакер построил свой текст в форме живой беседы, неслучайно и вполне уместно, ибо Витгенштейну, по мнению современников, не было равных по мощи интеллекта, отточенности аргументации и последовательности мысли именно в живой дискуссии.

Насколько хакеровский Витгенштейн в рамках представленного сочинения соответствует реальному Витгенштейну, спрашивать, наверно, столько же бессмысленно, как и о том, насколько идеи Сократа в диалогах Платона соответствуют образу мысли реального Сократа. Конечно же, мы здесь имеем дело с интерпретацией. Однако то, что среди современных витгенштейноведов именно этот оксфордский философ имеет, может быть, наибольшее право на подобные интерпретации, вряд ли должно вызывать у нас сомнение, поскольку объем его работы по освоению витгенштейновского наследия действительно впечатляет.

Профессор Оксфордского университета Питер Майкл Стефан Хакер широко известен как историк аналитической философии, и прежде всего как витгенштейновед. В соавторстве с Г.П. Бейкером П.М.С. Хакер написал беспрецедентные по масштабу и тщательности проработки материала комментарии к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна. В период с 1980 по 1996 г. им было опубликовано в общей сложности семь книг² очерков и по-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проекты № 10-06-00039-а, № 12-06-00078-а), РГНФ (проект №11-03-00039-а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1., заявка №2012-1.2.1-12-000-3003-029), а также в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Национального исследовательского Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

² *Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Understanding and Meaning.* – Oxford: Blackwell, 1980 (см. также: *Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Understanding. Essays on the Philosophical Investigations*, Vol. 1, Essays. – Oxford: Blackwell, 1983; *Baker G.P., Hacker P.M.S. An Analytical*

шаговых комментариев к главному, по общему мнению, произведению поздней аналитической философии. Также известны обзорные работы Хакера по англо-американской аналитической традиции XX века, по истории развития философии в английском Оксфорде в послевоенное время [1].

В предлагаемой вниманию читателя работе П.М.С. Хакера речь идет об опыте субъективных чувственных переживаний и о его языковой репрезентации. В литературе по аналитической философии последних десятилетий эта тематика чаще всего освещалась в рамках обсуждения так называемого аргумента индивидуального языка, сформулированного поздним Л. Витгенштейном. В чем именно состоял аргумент и какова аутентичная позиция Витгенштейна в данном случае – вопрос по-прежнему открытый для современного витгенштейноведения. Естественно, что в обсуждаемой работе хакеровский Витгенштейн представляет одну из известных, а именно, собственно хакеровскую интерпретацию данного аргумента. Ниже я попытаюсь показать специфику подхода Хакера, сравнивая его с наиболее дискуссионным для последней четверти XX века подходом С. Крипке.

В начале 80-х годов XX века в аналитической философии появилась новая и оригинальная интерпретация «*Философских исследований*» Л. Витгенштейна. Автором этой интерпретации стал американский логик С. Крипке. Его работа «*Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке*» [2] стала настолько обсуждаемой в среде витгенштейноведов и витгенштейнианцев, что впоследствии Витгенштейн, по меткому выражению Х. Патнема, превратился в Крипкенштейна [3].

Оригинальность крипкевского видения аргумента индивидуального языка состояла в том, что он иначе, нежели большинство витгенштейноведов, прочел соответствующие параграфы «*Философских исследований*». Крипке посчитал, что суть аргумента содержится не в параграфах, следующих за §243, которые по обыкновению считались посвященными аргументу индивидуального языка, а, напротив, в более ранних пассажах. Так, он предполагал, что в §201–202, которые, с его точки зрения, вообще представляют собой квинтэссенцию главной темы «*Философских исследований*», уже представлен вывод относительно проблемы индивидуального языка. А пассажи, следующие за §243, являются, скорее, только следствиями этих более фундаментальных положений.

На содержательном уровне оригинальность подобной интерпретации заключалась в том, что Крипке напрямую связал аргумент индивидуального языка с проблемой следования правилу, и из-за этого сам аргумент начал звучать по-иному. Он перестал быть лишь аргументом о языке индивидуальных субъективных ощущений. Именно так его рассматривали до Крипке, именно этот взгляд был представлен, к примеру, в дискуссии А. Айера [4] и

Commentary on Wittgenstein's *Philosophical Investigations*, Vol. 1, Exegesis. – Oxford: Blackwell, 1983); Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity, Vol. 2 of an Analytical Commentary on the *Philosophical Investigations*. – Oxford: Blackwell, 1985; Hacker P.M.S. *Meaning and Mind*, Vol. 3 of an Analytical Commentary of the *Philosophical Investigations*, Part I: Essays. – Oxford: Blackwell, 1990; Hacker P.M.S. *Meaning and Mind*, Vol. 3 of an Analytical Commentary of the *Philosophical Investigations*, Part II: Exegesis § 243–427. – Oxford: Blackwell, 1993; Hacker P.M.S. *Mind and Will*, Vol. 4 of an Analytical Commentary of the *Philosophical Investigations*, Part I: Essays. – Oxford: Blackwell, 1996; Hacker P.M.S. *Mind and Will*, Vol. 4 of an Analytical Commentary of the *Philosophical Investigations*, Part II: Exegesis § 428–693. – Oxford: Blackwell, 1996.

Р. Риса [5]. Теперь же понятие индивидуального языка стало значительно шире. Референтами языковых выражений в данном случае теперь могли выступать не только ощущения, но и вещи внешнего мира, абстрактные сущности, события, короче говоря, вся совокупность предметностей, которая обычно соотносится с использованием языка. Главной спецификой новой интерпретации данного аргумента явилось то, что агент речи должен употреблять языковые выражения в качестве своеобразного Робинзона, изолированного от какой-либо связи с сообществом. И вот здесь в отношении индивидуального языка как раз и возникает та проблема, которая формулируется Крипке как проблема следования правилу. По сути, невозможность индивидуального языка для Крипке возникает из-за наличия проблемы следования правилу в той ее формулировке, которую он изложил в своей книге.

Суть проблемы, связанной с употреблением языковых выражений, у Крипке состоит в следующем. Сейчас, в данный момент употребления знака “+” в выражении “ $2 + 2$ ”, я оказываюсь в затруднении относительно того, какое значение приписать этому знаку. Казалось бы, значением “+” должен выступать плюс, арифметическая функция сложения. Но дело в том, что из-за конечности моего опыта познания я не имею в своем распоряжении, не созерцаю целиком всю функцию сразу. По этой причине логически допустимой оказывается следующая эпистемологическая коллизия. Возможно, в данном конкретном примере я употребляю “+” для обозначения иной функции, скажем, квас, которая отличается от плюса в области больших чисел, но здесь, по отношению к числу 2, она оказывается совершенно идентичной плюсу. Возникает радикальная двусмысленность. В данном частном применении знака “+” мое употребление этого выражения подпадает сразу, по крайней мере, под два правила, и нет ничего в опыте моего сознания, что бы могло разрешить это затруднение.

Таким образом, употребляя слово, мы не фиксируем его значения. Самое большое, на что мы можем надеяться, — это ухватиться за созданную нами самими иллюзию стабильности, впечатление того, что мы все же понимаем, что имеем в виду, используя выражения языка. И вот эту иллюзию, по мысли Крипке, как раз и не способен продуцировать и поддерживать изолированный Робинзон, использующий язык индивидуально. Он, подобно буриданову ослу, постоянно будет находиться в ситуации радикальной неопределенности выбора между теми альтернативными правилами, которым он может следовать в своем словоупотреблении.

Единственной спасительной соломинкой, за которую может ухватиться агент речи, считает Крипке, выступает сообщество. Именно оно способно генерировать и поддерживать ту иллюзию относительной стабильности значений, которая столь необходима для успешного использования языка. Эта иллюзия стабильности порождается в субъекте за счет того, что он наблюдает одобрения своих словоупотреблений в реальной практике использования языка со стороны других участников коммуникации. Получая подобные одобрения, агент речи подкрепляет свою уверенность в корректности той интерпретации значений слов, которой он придерживается в данный момент. Так возникает впечатление стабильного и ясного употребления языковых выражений. Крипке понимает, что таким образом генерируются не сами зна-

чения, не сами правила, а лишь иллюзии значений, ибо за счет своей причастности к сообществу говорящих со мной на одном языке ни я, ни другие члены данной лингвистической группы не приобретают каким-то чудесным образом способность созерцать правило как определенную универсальную сущность целиком. Тем не менее постоянные перекрестные ссылки друг на друга среди членов сообщества делают свое нужное дело. Они вселяют уверенность в то, что агенты речи правы, корректны в своих лингвистических действиях. И эта, в буквальном смысле, языковая игра является единственным возможным выходом из создавшейся скептической ситуации, ибо данное условие – генерация иллюзии значения в коммуникации – оказывается необходимым и, главное, достаточным для успешного функционирования языка. Индивидуальный же язык оказывается в принципе невозможным именно по этой причине. В нем не выполняется данное условие функционирования языка. В нем отсутствует даже иллюзия относительной стабильности значений слов. В нем царит полный хаос и неопределенность.

Крипкевская интерпретация, конечно же, впечатляет своей оригинальностью и эвристическими возможностями, тем не менее она никак не объясняет тот очевидный текстологический факт, что Витгенштейн на страницах *«Философских исследований»*, что называется, черным по белому ставит вопрос именно о языке *ощущений*. Витгенштейн трактует индивидуальный язык именно таким образом, и именно относительно такого языка возникает вопрос о его возможности: «Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания – свои чувства, настроения и т.д.?» [6. С. 171]. Возникает подозрение, что Крипке в своей интерпретации оказывается слишком груб, проводя масштабную связь аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу и полностью погружая содержание § 243 в контекст § 201–202.

В отличие от Крипке Хакер в своих исследованиях всегда подчеркивал вышеуказанный аспект, всегда обсуждал проблему индивидуального языка именно как проблему языка ощущений и трактовал § 243 и следующие за ним автономно, без отношения к § 201. Хакер, как и Крипке, считает, что индивидуальный язык невозможен, но причины этой невозможности будут иными, нежели те, которые представил в своей интерпретации Крипке. Не претендуя на окончательную правоту и полноту в изложении позиции Хакера, я постараюсь вкратце обрисовать ту стратегию, в рамках которой возможна критика индивидуального языка именно как языка ощущений.

Если ориентироваться на содержание *«Философских исследований»*, то сложно было бы поспорить с тем утверждением, что целью функционирования обыденного языка является коммуникация в сообществе, поддерживающая взаимодействие субъектов в процессе совместной деятельности. Если это так, то язык в принципе должен быть публичным. Цель агента речи – некоторое сообщение, послание реципиенту. Чтобы эта цель была достижимой и послание успешным, значениями языковых выражений должно выступать то, что в принципе может быть передано другому, значения должны быть интерсубъективны. Конечно, вполне возможно, что это требование будет выполняться только потенциально. Вполне мыслим изолированный Робинзон, разговаривающий сам с собой. Однако в таком случае он будет обращаться к

некоторому воображаемому собеседнику в качестве реципиента его речевых актов, и должно быть мыслимо, чтобы этот предполагаемый собеседник Робинзона понимал. Это значит, что языковые выражения Робинзона должны быть потенциально открытыми, должна существовать возможность, чтобы их значения были восприняты иными людьми. Если бы языковые выражения имели абсолютно непрозрачные значения, то языковая деятельность просто лишалась бы смысла, ибо язык переставал бы выполнять свою главную функцию – обеспечение коммуникации.

Далее, если субъективные ощущения являются абсолютно непрозрачными для других, а это так, по крайней мере, по отношению к возможностям познавательного аппарата человека, то язык, значениями выражений которого были бы эти приватные ощущения, не имел бы смысла. Индивидуальный язык невозможен не потому, что использующий его агент речи натолкнулся бы на непреодолимые преграды при продуцировании языковых выражений (как это понималось при связи аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу), а лишь в силу того простого обстоятельства, что это продуцирование было бы бессмысленно. Индивидуальный язык – это мнимый язык, но не потому, что в нем отсутствует какая-либо определенность относительно правил употребления языковых выражений, а потому, что он не выполняет главную функцию языка, он не обеспечивает интерсубъективную коммуникацию. Не существует языка ощущений, ибо абсолютно приватное ощущение в качестве значения языкового выражения не транслируемо, а цель языка – трансляция значений.

Если отказаться от прямой корреляции аргумента индивидуального языка с проблемой следования правилу и принять в качестве предпосылки лишь крайне простое и, как кажется, очевидное утверждение, что для позднего Витгенштейна язык – это социальное явление, что языковая деятельность – это публичная деятельность, то у нас появляется возможность удовлетворительной интерпретации сразу двух важнейших аспектов темы индивидуального языка. Мы объясняем, почему индивидуальным языком Витгенштейн называет именно язык ощущений и почему он считает такой язык невозможным.

Приведенная выше интерпретация, по крайней мере, в качестве одного из возможных взглядов на позднего Витгенштейна могла бы нас удовлетворить, если бы не одно “но”. Как объяснить тот очевидный эмпирический факт, что мы широко используем в нашем обыденном языке выражения, обозначающие внутренние переживания, эмоции, ощущения? Если язык обязан быть потенциально публичным и если субъективные переживания принципиально не публичны, то как они могут быть значениями языковых выражений? Эти выражения, исходя из предложенной интерпретации, не могут нести никакого смысла, их продуцирование совершенно бесполезно. Зачем в таком случае мы используем их в нашей речи?

Ответы на вышеуказанные вопросы как раз и содержатся в представленной вниманию читателя работе Хакера. Автор – устами своего главного персонажа Людвига – утверждает, что языковые выражения, которые обычно понимались как обозначающие внутренние абсолютно приватные субъективные ощущения (данную точку зрения в обсуждаемом тексте представляет,

прежде всего, Готлоб) при более тщательном анализе функционирования языка обнаруживают иные референциальные отношения.

При этом дело не ограничивается достаточно поверхностным заявлением, что слово 'боль' в предложении «Я чувствую боль» не указывает на ощущение. Мысль Хакера более софистична. Предложение «Слово 'боль' обозначает ощущение» трактуется как вполне осмысленное, однако с одной существенной ремаркой, а именно, что слово 'ощущение' также является словом публичного языка, а потому должно обозначать что-то такое, что может быть представлено в интерсубъективности.

То, что хакеровский Людвиг в представленном тексте допускает по отношению к себе подобную интерпретацию, может быть обосновано, во-первых, ссылкой на § 261 «Философских исследований»: «Какое у нас основание называть 'О' знаком какого-то *ощущения*? Ведь 'ощущение' – слово нашего общепринятого, а не лишь мне одному понятного языка. Употребление этого слова нуждается в обосновании, понятном всем. Не спасало бы положения и такое высказывание: с человеком, записавшим 'О', *что-то* происходило, пусть это и не было *ощущением* – больше этого ведь и не скажешь. Дело в том, что слова 'происходить' и 'что-то' тоже принадлежат общепринятому языку. – Итак, в ходе философствования рано или поздно наступает момент, когда уже хочется издать лишь некий нечленораздельный звук...» [7. С. 175], и во-вторых, комментарием этого параграфа, данным самим Хакером уже в другом месте: «§ 261 представляет решающее соображение: оstenсивное определение, например, 'красный', предполагает грамматику дефиниендума, а именно то, что это – слово для цвета. Отсюда 'индивидуальное' оstenсивное определение 'боли' должно предполагать, что оно является именем *ощущения*. Но 'ощущение' есть слово нашего общего (публичного) языка...» [8. Р. 5].

На что же в таком случае указывают предложения, подобные «Я чувствую боль»? Это читатель может попытаться прояснить сам, проанализировав работу П.М.С. Хакера «Могут ли разные люди чувствовать одну и ту же боль?»

Литература

1. Hacker P.M.S. Wittgenstein's Place in Twentieth Century Analytical Philosophy. – Oxford: Blackwell, 1996; Hacker P.M.S. The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy // Ratio (New Series), IX, 3, December, 1996. P. 243–268.
2. Крунке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.
3. Putnam H. On Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Proceedings of Aristotelian Society. 1996. Supp. Vol. 70. P. 243–264.
4. Ayer A.J. Can there be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954. Supp. Vol. 28. P. 63–76.
5. Rhees, R. Can there be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954. Supp. Vol. 28. P. 77–94.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I.
8. Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Mind. Volume 3 of an Analytical Commentary on the *Philosophical Investigations*, Part I: Essays. Oxford, Blackwell, 1993.